

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Дэни Коллинз
ИСКУШЕНИЕ
ДЛЯ ЗАТВОРНИЦЫ

192

Содлазнь

 HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Дэни Коллинз

Искушение для затворницы

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Коллинз Д.

Искушение для затворницы / Д. Коллинз — «Центрполиграф»,
2015 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07077-7

Ферн отлично усвоила уроки матери: любовь и страсть – прямая дорога к страданиям, и от мужчин нужно держаться подальше. Ферн устраивается преподавателем английского в семью влиятельных людей Аминей и Раида и принимает приглашение сопровождать семью на каникулах в живописный оазис. После знакомства с братом Аминей, таинственным и суровым арабским шейхом Зафиром, в ее жизни появляются сумасшедшие эмоции, которые заставляют ее забыть предостережения матери...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07077-7

© Коллинз Д., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дэни Коллинз

Искушение для затворницы

Глава 1

Оказавшись в оазисе, Ферн Дэвенпорт впервые ощутила прилив жизненных сил. Двухдневное путешествие через пустыню на верблюдах, которого она ждала с таким восторгом, стало настоящим испытанием на прочность – о чем и предупреждала Ферн ее работодательница и подруга Аминья.

Устав от череды бесконечно сменяющих друг друга ослепительно-белых, выжженно-желтых и блекло-красных пейзажей, едва завидев вдаль кусочек зелени, Ферн выпрямилась в седле и, подражая верблюду, повела носом по ветру в надежде учуять воду. Когда они добрались до подземного родника, где росли карликовые пальмы и почти не было травы, она почувствовала себя великаном, обозревающим кроны деревьев сверху вниз. Солнце уже скрылось за холмами ущелья, и спасительная прохлада приятно ласкала голые ноги под раздувающимися краями длинной абайи.

Все время в пути она терзалась опасениями за свою жизнь. Теперь наконец страхи начали рассеиваться, и ей захотелось рассмеяться от радости и облегчения.

Вообще-то любые всплески эмоций были ей не свойственны. Ферн предпочитала оставаться незаметной: она не любила быть участницей событий, предпочитая лишь наблюдать за ними со стороны. Лишь сейчас она впервые пережила чуждое ей донныне ощущение жизни, бушующей внутри. Все ее существо наполнилось новой силой, и кровь быстрее побежала по венам.

Ей захотелось избавиться от груза одежд, обнажиться, чтобы свежий ветер охлаждал разгоряченную кожу, скинуть туфли и впитывать жизнь через поры – словом, слиться с природой.

Все еще взволнованная перерождением, Ферн взглянула вперед, на пустырь, где предстояло развьючивать караван, и увидела его.

Обычный мужчина в тобе и гутре. Он легко мог оказаться погонщиком верблюдов, насколько она могла судить, однако каким-то глубоким чутьем Ферн разглядела в нем то, что привлекает женщин. Прирожденный лидер. Другие мужчины идут к таким за советом и поддержкой. Уверен в себе. Белая ткань туники туго обтягивает крепкие плечи. Ноги в пыльных сандалиях твердо стоят на земле – так, будто она ему принадлежит.

Ферн заставила себя отвести взгляд от его лица, ослепленная его красотой. Как может мужчина быть одновременно столь притягательным и суровым? Пожалуй, это все заслуга пустыни: впалые щеки, бронзовая от палящего солнца кожа, четкая линия рта – строгая и в то же время... как это вообще можно было почувствовать? Сексуальная. Орлиный нос, прямые, как горизонт, брови, и еще...

Пронзительный взгляд зеленых глаз.

От его нескрываемого величия у Ферн перехватило дух.

– Дядя! – радостно завизжали девочки, и угрюмое лицо мужчины озарилось улыбкой, а у Ферн защемило сердце.

Мужчины всегда были для нее загадкой: они, как летучие голландцы, появлялись в ее жизни на время и никогда не причаливали к берегу. Она училась в школе для девочек, директор которой также была женщина. Коллеги по работе, врач ее матери да несколько мальчишек, которые периодически навещались в клуб мисс Айви, были единственными мужчинами, которых она действительно знала. Часто она ловила себя на том, что наблюдает за мужчинами, как птицелов, изучая их повадки и вникая, что творится у них в голове. И всякий раз поража-

лась, обнаружив, что им не чуждо ничто человеческое. Самыми удивительными ей казались те, что умели найти подход к детям: тогда ей хотелось узнать такого мужчину поближе, по-настоящему понять его.

Ферн поняла, что это Зафир, брат Аминей.

Муж Аминей, Раид, жестом приказал верблюду опуститься на колени, затем сошел с седла, и мужчины обменялись приветствиями и по-братски обнялись.

Для ее воспитанниц он был просто «дядя Зафир», хотя формально его звали шейх Абу Тарик Зафир ибн Ахмад аль-Ракин Ирам. Он правил страной К'Амара по соседству с землями Раида.

Должно быть, Ферн интуитивно догадалась о его высоком положении, и в ней проснулось любопытство. Встреча со столь важным человеком сильно взволновала ее, и это пережитое недавно чувство сейчас многократно усилилось. Мало того что Ферн была застенчива от природы, так ей еще «повезло» родиться рыжей со всеми вытекающими последствиями: румянец вспыхивал в два счета. Когда Раид впервые заговорил с ней, она мгновенно покраснела – ее до ужаса смутило внимание такого важного человека. Деспотичная мать привила ей страх перед представителями власти и стремление им угождать. Неудивительно, что у Ферн всякий раз сдавали нервы при встрече с очередным шейхом.

Вскоре подошли и другие мужчины. То были погонщики верблюдов и смотрители каравана, но в эту минуту Ферн думала лишь об одном человеке. Он конечно же не заметил ее – и хорошо. С чего, спрашивается, ему ее замечать? Солнечные очки и никаба надежно укрывали ее от испепеляющего солнца и колючего песчаного ветра. Шейх нес своих племянниц и вел с ними две параллельные беседы.

Вскоре приехал мальчик, и малышки тут же спрыгнули на землю, крича его имя, которое Ферн уже слышала неоднократно с тех пор, как они затеяли этот поход через пустыню: «Тарик!»

Двоюродному брату юных учениц Ферн было десять лет, о чем они сообщили ей с нескрываемым восхищением. Он был одет в длинную тунику, как и его отец, и сразу же затеял с кузинами игру в догонялки: кто быстрее добежит до цветных шатров, раскинутых вверх по течению.

Раид помог супруге сойти с верблюда. Аминей откинула с лица никабу и обняла брата со всей той нежностью, которую излучала, когда рассказывала о нем. Они говорили между собой на красивейшем арабском языке, который Ферн все никак не удавалось освоить.

– Ай!.. – воскликнула она, когда ее верблюд подался вперед.

«Не забывай отклоняться назад», – сотни раз напоминала ей Аминей, но Ферн увлеклась, завороченно наблюдая, как Зафир улыбается сестре, и не заметила, что ее верблюд опускается на колени. Она изо всех сил попыталась удержаться, но все равно сползла вниз еще до того, как животное с грохотом рухнуло на землю.

Самый неуклюжий спуск за всю историю арабской цивилизации. Она едва не расшиблась в лепешку. У всех на глазах. Какой позор!

– Ферн, ты в порядке? – позвала ее Аминей. – Во время прошлого привала я решила, что ты уже освоилась. Надо было мне попросить Раида помочь тебе.

– Ничего. Сама виновата, отвлеклась. Тут так красиво, – сбивчиво пробормотала она, пытаясь скрыть свой интерес к Зафиру. Как же неловко, что она привлекла к себе лишнее внимание, и теперь все рассматривали ее словно под огромной лупой. Раид сказал кому-то что-то на арабском, и ей послышалось: «учительница английского».

– Да, это она, – подтвердила Аминей. – Иди к нам, познакомься с Ферн. Спасибо, Нудара, – поблагодарила она служанку, когда та поднесла холщовую сумку. Аминей размотала абайю и кинула ее внутрь, затем жестом показала Ферн тоже избавиться от пыльной одежды.

– Нудара приведет их в порядок к прибытию кочевников.

До того как Ферн получила эту работу, она видела прислугу разве что в сериале «Аббатство Даунтон». Ее мать всю жизнь так уставала, убираясь в чужих домах, что на свой сил уже не оставалось, но Ферн всегда поддерживала идеальную чистоту в их крошечной квартирке. В последние месяцы перед смертью матери она организовала там целый хоспис, сама купала ее и даже установила поручень в туалете. Ферн все никак не могла привыкнуть, что кто-то обслуживает ее. Было даже совестно, но Нудара не обижалась.

Может, если бы Ферн была с Аминеей на одной ступени социальной лестницы, она тоже без проблем отдавала бы распоряжения прислуге, но она находилась где-то между слугами и членами семьи. Сказать по правде, она не могла припомнить время, когда не была белой вороной, которой нет места ни в одной стае.

Вот и сейчас тоже. Хотя с тех пор, как Ферн стала преподавать английский язык Башире и Джумане, она начала покрывать только голову, теперь, сняв с себя темные очки, хиджаб, прикрывавший лицо, и одним разом стянув с головы шарф и нижнюю шапочку, она почувствовала себя бесстыдницей. Это из-за волос: местные всегда глазели на ее роскошную копну морковно-рыжих завитушек.

Она нарочно не стриглась – не то волосы превратились бы в мочалку. Целых два дня полноценный душ ей заменяло влажное полотенце для лица, но от прикосновения прохладного ветерка к вспотевшей коже головы по ее телу пробежались приятные мурашки. Она сняла абайю и осталась в блузке без рукавов с цветочным узором и кружевным воротничком, и расправила прилипшую к ногам василькового цвета юбку, стыдясь того, что она едва доходила до середины икры.

– Очень вызывающе? – спросила она Аминеей вполголоса. – Я не думала, что мы будем снимать абайи вот так, прилюдно.

– Нет, здесь можно, – рассеянно заверила ее Аминеея, отходя в сторону, чтобы поговорить со слугой.

Ферн вопросительно посмотрела на шейха.

Взгляд его аквамариновых глаз блуждал по ней, как тропические волны, оставляя щеко-чущее чувство в руках, ногах и кончиках пальцев.

Обычно мужчины смотрели на Ферн не дольше, чем требовалось, чтобы спросить время или дорогу. Люди в целом ее не замечали. Одевалась она скромно, не отличалась яркой внешностью, не пользовалась косметикой и слыла тихоней. Худенькие рыжие девушки с веснушками были самым обычным явлением в ее родной деревне на границе с Шотландией.

Зато в этой части света она заметно выделялась. У Раида во дворце жили несколько белых слуг, но до нее им было далеко. Конечно, там Ферн никогда не демонстрировала свое тело налево и направо. Наоборот, ей нравилось быть невидимкой, поэтому длинные покрывала были как нельзя кстати.

Не то, что теперь. Казалось, шейх подметил каждый ее изъязн сквозь прилипшую к коже ткань и, как ей казалось, смотрел с укоризной. Внутри у нее все оборвалось. Она ненавидела ошибки, не выносила критики – особенно, если ей даже не давали оправдаться.

– Добро пожаловать в оазис, – проговорил он.

Его волнующий баритон окутал Ферн потоком горячего ветра, и у нее закружилась голова. Как и Аминеея, он говорил с акцентом: что-то среднее между экзотическим ближневосточным и выговором британского высшего общества. Зафир был само воплощение мужественности.

Аминеея рассказывала, что он вдовец. «Жена умерла от рака три года назад, он был убит горем. Он по чти не говорит о ней, а если говорит, то всегда с безграничным почтением», – поведала ей Аминеея.

«Значит, она ему сочувствует», – подумала Ферн.

Под прицелом его изучающего взгляда ей стало жутко неловко. Она по привычке начала проговаривать в уме упражнения для аутотренинга, которым ее научила мисс Айви, чтобы напомнить себе о своих достоинствах: «Я умная и добрая, я хорошая рукодельница...»

Она смутно понимала, что сработала защитная реакция: перед ней был незнакомец, а мисс Айви всегда учила «проявлять терпение и не спешить с выводами».

Ферн была не просто уверена, что сразу не понравилась ему, – она ощущала его неприязнь, это странно и почему-то задевало за живое. В снобизме ее уличить было нельзя – она не хвалилась даже своим умом, хоть и знала вдоль и поперек десятичную классификацию Дьюи... Почему ей непременно хотелось сообщить ему об этом? Она не для того сюда приехала, чтобы производить на него впечатление, да и вряд ли его этим поразишь.

Но этот мужчина почему-то вселял в нее трепет. Такой властный! Когда ей в жизни доводилось общаться с такими важными персонами?

Неожиданное влечение смущало ее, и Ферн покраснела. Она презирала свое тело за предательскую реакцию. Ей было стыдно за себя и хотелось умереть на месте.

Зафир наблюдал, как миллионы веснушек утопают в пунцовом море, и едва сдерживал смех.

«Как неучтиво с моей стороны», – одернул он себя и отвернулся, пытаясь скрыть озорные огоньки в глазах. Ни за что он не размякнет перед этой англичаночкой, сгорающей от страсти. Ему хватало опыта, чтобы понять, что с ней происходит, и ему, как любому мужчине, это льстило.

Но она англичанка.

Пускай он и знал, что она ему не ровня, малейшее внимание вызывало в нем хищный инстинкт. Зафир снова невольно перевел взгляд на нее и принялся считать веснушки, рассыпавшиеся на ее обнаженных руках, словно крапинки какао на молочной пене. Они были повсюду, даже на пальцах ног. Поразительное, должно быть, зрелище могло открыться его взгляду, если он увидит ее обнаженной.

«Но это вряд ли произойдет, – предостерег он свое либидо, – какой бы сговорчивой ни казалась эта девушка».

Взгляд скользнул от ее горе-юбки вверх к плечам с созвездиями веснушек, хотя они теперь едва проглядывали сквозь густой румянец, и выше – к влажным глазам, которыми она уставилась на него. Он сразу расшифровал: так смотрит не то загнанный кролик, не то влюбленная поклонница.

Статус герцогского внука давал ему преимущества не только в виде престижного образования. Помимо экономики и дипломатии он усвоил и то, что западные женщины готовы удовлетворить самые низменные желания мужчины. Если он ее захочет, то непременно получит.

И тогда Зафир представил себе, как прильнет губами к разгоряченной шелковой и бледной коже ее плеча и впитает ее вкус. У него так и чесались руки схватиться за нее сзади и притянуть ее бедра к своим.

Но ему куда больше нравились загорелые блондинки – скажем, американки или скандинавки, и исключительно во время путешествий. Ему и так хватало соперничества за власть с консерваторами в своей стране, чтобы еще крутить здесь романы. Поэтому он отбросил всякие мысли о ней высокомерным взмахом ресниц, нарочно демонстрируя безразличие.

Ферн сглотнула, ее щеки горели, а взгляд потух, и она закусила губу от досады.

Шейху почти нестерпимо хотелось прижаться ртом к ее маленьким кукольным губкам и нежно покусывать их, чтобы они распухли и приоткрылись. В своем воображении он обвивал ее непослушные кудри вокруг пальцев и глубоко входил в нее, одновременно наблюдая, как ее глаза затуманиваются дымкой наслаждения.

«Англичанка, – мысленно повторил он, упрекая себя за минутную слабость. – Это что, наследственное – когда страсть так ослепляет, что невозможно даже улыбнуться, а тем более заговорить?»

Он утешал себя мыслью, что всему виной то, что он в последний раз был с женщиной больше двух месяцев назад. Родовое проклятие тут ни при чем.

У него нет ничего общего с отцом: только тот был способен так безоглядно влюбиться, что лишился жизни, оставив после себя бардак в наследство внебрачному сыну-полукровке.

– Ферн, познакомься: мой брат Зафир. Она ведь может так тебя называть, пока мы здесь? – Аминья отвернулась и, наклонившись к нему по-родственному близко, сжала его руку так, что он сразу пришел в чувство. – Будь к ней добр. Она стеснительная.

Ферн¹. Какое подходящее имя. В его стране жаловали имена, вдохновленные природой, и что-то в ее чопорной манере напоминало ему курчавые, как она сама, молодые побеги папоротника, которые он наблюдал в поместье своего деда, гуляя по лесу в ожидании весны и окончания семестра, чтобы вернуться к теплу домашнего очага.

– Разумеется, – выдал он в ответ, довольный жесткими нотами в своем голосе. Он и так уже внутренне досадовал, что находится не в том месте и не в то время, чтобы еще следить за интонацией. Тем не менее он неожиданно для себя произнес: – Если, конечно, я могу называть вас Ферн.

Он обращался бы к ней так, даже если бы она запретила, но ради протокола попросил позволения.

Вот проклятье! Нельзя желать ее так отчаянно, чтобы с ходу пытаться затащить ее в постель. Будто бы сразу было понятно, что она достанется ему.

Ее ресницы чуть дрогнули, и она кивнула, нервно ломая пальцы.

Ее смущение доставляло Зафиру садистское удовольствие. Он источал энергию альфа-самца, жажда самоутверждения кипела в его крови. Аминья, вероятно, заметила румянец Ферн, но от Зафира не утаила чувственная природа ее реакции, что было вдвойне притягательно.

– Мы здесь одеваемся непринужденно, – щебетала Аминья. – Закутаемся снова, когда придут бедуины, а пока оазис в нашем распоряжении. Поэтому мне здесь так нравится. О, как же я этого ждала! – Она снова сжала его руку и нахмурилась: – Только вот ты какой-то унылый. В чем дело? Увидишь – будет весело, как в детстве. Пойдем, Ферн, палатки готовы, пора распаковываться.

Ферн начала водружать на плечо свой скарб.

Зафир хотел ей сказать, чтобы не беспокоилась – слуги все отнесут, – но вовремя вспомнил, что она работает на Раида. Она свое место знала лучше, чем сам Зафир.

Зато вещей у нее было огромное множество. Он поморщился, глядя, как она пытается взвалить на плечо уже третью сумку.

Зафир шагнул, чтобы помочь ей отнести вещи.

– Лучше я сама за ней вернусь, – настаивала Ферн, но он проигнорировал ее протесты и снял с ее плеча еще одну сумку, от которой, того и гляди, сломался бы ее хрупкий позвоночник. Он случайно провел пальцем по ее нежной, как перышко, коже, и жгучее влечение взволновало его вновь.

Невозможно было понять, чувствует ли Ферн то же, что и он, потому что она в этот момент склонила голову. Но он, кажется, заметил, что ее соски выделяются сквозь блузку. Никак не от холода – в такой-то зной.

И неужели только от этого у него сладостно заныло в животе?

¹ Папоротник (англ.).

Аминей с Раидом прошли уже полтропинки к лагерю, доверив Зафиру сопровождать Ферн. Он старался вести непринужденную беседу.

– Оазис занимает где-то семнадцать квадратных километров. Мой отец мечтал устроить здесь заповедник, когда мы были детьми. Одному племени позволено кочевать здесь без специального разрешения, когда они идут вслед за перелетными птицами. Вероятно, мы их еще застанем. Но всем остальным вход строго воспрещен.

– Я читала об этом перед путешествием. – В ее быстром ответе слышалось: «Спасибо, я уже обо всем осведомлена».

Она поспешила вперед.

«Оставь ее, пусть идет», – сказал Зафир себе. Хорошо, если она сообразила, что он не намерен с ней забавляться.

Но широко шагая, Зафир едва поспевал за семенящей походкой Ферн, от которой у нее все не проходил румянец на щеках. Он не мог отвести глаз от ее роскошных кудрей, подпрыгивавших при каждом движении, и от ее маленьких крепких грудей, которые, наоборот, были почти неподвижны.

И все это время она смотрела прямо перед собой, упорно не замечая его.

– Как долго вы учите девочек? – спросил он.

– Три месяца. – Она сверкнула на него таким враждебным взглядом, будто он нападал, а она пыталась защититься. – Я чувствую себя мошенницей, если честно. Аминей... ой, в смысле, Башира...

– Все нормально, – остановил ее Зафир. – Как сказала моя сестра, у нас здесь все попростому. Можно без титула.

– Верно. Спасибо. Так вот, я хотела сказать, что у нее безупречный английский, и девочки уже легко переключаются с арабского на английский и обратно. Вряд ли я им так уж нужна – разве что поправлять грамматические ошибки и правописание. Но здесь предоставляется прекрасная возможность окунуться в другую культуру и... – Она замаялась. – Девочки славные, – едва слышно пробормотала Ферн. – Большая удача быть здесь.

Опять она покраснела. Зафир вызывал в ней сильнейшее желание.

По его венам тоже бешено мчались гормоны, побуждая начать охоту на эту женщину.

– Не сомневаюсь, Аминей счастлива, что вы работаете у них, – произнес он напряженно, каким-то чудом удерживая нить разговора. – Мы с сестрой больше любим родину отца, но часто тоскуем по дому в Англии.

Зафир осекся, недоумевая, почему так сказал. Ностальгией он не страдал – просто всегда мечтал жить одновременно и тут и там.

Наверное, это прозвучало, как государственная измена, будто он не до конца предан стране, которой правит, – но это не было правдой. Он даже готов на серьезные жертвы, если потребуется. Зафир сдвинул брови.

Ферн резко остановилась рядом с ним и рассеянно оглядела пляж. Здесь царил некий управляемый хаос: возводились палатки, откуда-то, как по волшебству, возникали подушки, расстилались ковры.

– Э-э-э... не знаю даже, куда мне пристроиться. Я ночую с детьми?

– Нет, у них отдельное жилище. – И он жестом показал туда, где его сын как раз вешал тряпку, чтобы отделить свою территорию от пространства, которое занимали девочки в недрах небольшой палатки.

Прислуга располагалась около водяной помпы в дальнем конце берега, и там же планировалось устроить подобие кухни. Недалеко от палатки детей устанавливали еще одну, побольше, – для Аминей и Раида. Палатка Зафира уже стояла позади небольшой песчаной насыпи, входом к ручью. Телохранители разместили свои маленькие палатки в стратегических пунктах по всему периметру оазиса.

Зафир вычислил единственное незанятое жилище. Прямо посредине лагеря, под развесистыми ветвями пальм, где в зарослях высокой травы прятался островок из песка, лежала в разобранном виде палатка.

Скорее всего, Ферн должна была устанавливать ее самостоятельно.

– Вон там, – сказал он, слегка тронув ее за плечо, привлекая внимание, и указал в нужную сторону.

Он не смог удержаться от того, чтобы не дотронуться до нее, и почувствовал себя слабым.

У Ферн перехватило дыхание, а Зафиру стало приятно оттого, что она отреагировала на его нежное прикосновение.

Ферн надеялась, что Зафир отправится прогуляться, а она тем временем во всем разберется.

Ясное дело, он ей нравится. Он так красив. И он точно заметил ее симпатию, потому что все мысли и чувства написаны у нее на лице. Именно поэтому она любила прятаться за баррикадами из книг и библиотечных столов. И именно поэтому она согласилась работать за тысячи километров от дома – чтобы заниматься всего лишь с двумя ученицами и избегать мужчин.

В присутствии мужчин Ферн страшно нервничала. Как бы ей ни было любопытно познать прелести любовных отношений, она ни за что не хотела ставить на кон свое спокойствие и душевное равновесие. С годами ей стало проще проводить все вечера дома и не гневить мать походами на свидания. Зато она преуспела в учебе, много работала, чтобы платить за квартиру, и, несомненно, даже мученически гордилась своим послушанием. Она убеждала себя, что у нее нет времени на любовь, а на самом деле просто трусила.

Хотя, может, Ферн просто не повстречала еще мужчину, ради которого захотелось бы меньше времени уделять работе. Сегодня ей вдруг захотелось, чтобы ее заметили, чтобы ее поняли и приняли, и это встревожило ее.

Ее напугала внезапно проявившаяся страсть к незнакомцу. Она никогда так не реагировала на мужчин. Знания о сексе она черпала главным образом из любовных романов. Но когда она думала о Зафире, ей почему-то казалось, что все сцены из книг возможно претворить в реальности. Соски Ферн затвердели, в животе сладостно заныло – она представила себе ласки этого красивого мужчины. Жар от стыда и одновременно от возбуждения болезненно пульсировал в ее теле, делая еще более беззащитной, уязвимой.

Мать всегда говорила Ферн, что страсть может привести к непоправимым последствиям. А Ферн удивлялась: почему же тогда люди занимаются сексом? До сегодняшнего дня к ней не притрагивался ни один мужчина. Ну, во всяком случае, не так, чтобы она забылась от страсти.

Ферн непременно нужно было сейчас побыть одной, разобраться в себе, разложить чувства по полочкам и навсегда забыть о них.

Ферн даже не знала, как называется то, что она сейчас ощущала, – казалось, ее заперли в одной клетке с тигром, и он ходит кругами, обнюхивает ее, но скорее из любопытства, а не от голода. От скуки, может быть. Ищет чем бы позабавиться.

Зафир подошел к красному свертку и бросил рядом с ним ее сумки.

Ну и ну – это ее палатка? Что ж, не помешает почитать инструкцию. Ферн потянулась, чтобы достать карточку из пластикового кармашка.

– Я все сделаю, – сказал он недовольно, поднял сверток, потянул за шнурок и вытряхнул содержимое на песок, а затем снял чехол.

– Уверена, я могу и сама. – Она подняла пустой чехол и перевернула его. Инструкция на табличке была выведена иностранным курсивом.

– Умеешь читать по-арабски? – сухо поинтересовался он и всучил ей угол палатки, а сам отступил, чтобы встряхнуть огромный сбившийся кусок материи.

– Пока нет, – ответила она, расправляя другой угол. Заодно она убрала из-под дна палатки мешок с кольшками. – Неужели тут и правда ни слова на английском? Не похоже на традиционное жилище бедуинов.

– Нет, просто современные палатки слишком удобные и легкие.

Зафир вытащил из мешка небольшой деревянный молоток:

– Даже кочевники уже перебрались в палатки полегче, не из верблюжьего волоса, но ты увидишь и их традиционные шатры, когда они будут проходить нашей стороной. – И он протянул руку, чтобы Ферн подала ему кольшек.

– Я сама справлюсь. Если понадобится, попрошу помочь кого-то еще. Мне не хочется вас утруждать.

Вот так. Она умела быть жесткой, но при этом вежливой и любезной, и это работало безотказно.

Зафир пробежался глазами по лагерю, словно в поисках кого-то из потенциальных помощников, хотя Ферн скорее обратится к Амине, чем подойдет к незнакомцу.

Зафир опять недовольно посмотрел на нее – даже с вызовом – и твердо сказал:

– Я сделаю.

По крайней мере, Ферн помогала ускорить процесс, проворно расправляя вместе с Зафиром своды палатки и нанизывая кольшки на петли, после чего он вбивал их в песок. Ощущение, будто за каждым ее движением пристально следят, было лишь плодом ее воображения, и она напонила себе об этом, проходя вперед.

Тем не менее когда она закончила с последним кольшком и выпрямилась, напряжение было нестерпимым. Она метнула на него взгляд, а его зеленые глаза уже ждали, чтобы зацепить, пронзить и притянуть ее к себе.

Она перевела дыхание, от неожиданности не чувствуя рук и ног.

А он продолжил делать свое дело: быстро разобрал раскладной шест, по-прежнему не сводя с нее глаз. Он приподнял ткань, загораживавшую вход в палатку, и просунул шест внутрь.

Это было...

Ферн покраснела. Боже праведный, она покраснела, как вареный рак.

Зафир издал какой-то звук: это был не то сдавленный смешок, не то нетерпеливое цоканье языком. Точно она не могла сказать, потому что он нагнулся, чтобы поднять еще один шест, и начал раскладывать его. Когда его взгляд возвратился к ней, у него на лице был написан упрек.

Это ее задело. Ферн знала, что Зафир заметил ее реакцию, а сдерживаться она не умела. Что еще хуже, она знала, что мужчины от ее красоты не слепнут. У нее не было ни пышного бюста, ни аппетитных ягодичек. Если бы она и раскошенилась на косметику, то все равно не знала бы, что с ней делать. Брекетты на кривых зубах, одежда из секонд-хенда, вечное корпение над учебниками... образ бледной моли готов.

Может, Зафир вроде тех мужчин, которые иногда видят в ней легкую добычу, поэтому сейчас он просто дразнит ее.

Обычно Ферн сразу уходила, если чувствовала, что над ней смеются, но тут ей было просто некуда бежать. Единственное место, где можно было спрятаться от Зафира, – ее отдельное жилище, так что она быстро нырнула в палатку. Она склонилась под легким навесом из шелковистой красной материи, подняла с земли шест и пробралась к центру, где параллельно друг другу располагались крепежи на крыше и на полу.

Поставить шест было не так легко, как казалось. Ферн вдела один конец в отверстие на крыше, но, хотя палатка не была тяжелой, из-за сопротивления ткани ей все никак не удавалось приспособить нижний конец.

– Вы воткнули кольшки слишком далеко друг от друга, – ворчливо сказала она Зафиру и этим напомнила себе свою мать.

– Я в своей жизни поставил больше палаток, чем ты, Ферн, – протянул он, и она в ответ раздраженно сощурилась.

Зафир с резким звуком просунул еще один шест в выемку одного из углов палатки:

– Сейчас закончу здесь и помогу тебе. «Отлично. А я буду стоять тут без дела», – подумала Ферн.

Крыша палатки скользила по ее волосам, которые наэлектризовались и стали потрескивать. Она подумывала выползти наружу, но не могла заставить себя встретиться с Зафиром лицом к лицу.

«Выйду, когда он будет заходить», – подумала она, но Зафир поднял вход в палатку и занял собой весь проем, хватаясь одновременно за шест посередине, так что тот выскользнул из ее руки, и крыша взмыла вверх, когда он придвинулся ближе к Ферн. Зафир выпрямился во весь рост, и теперь их разделял только тонкий прут. Ткань палатки пропускала свет, придавая загорелой коже Зафира красноватый оттенок. Он смотрел не моргая.

Его ладони скользнули по ее рукам и направили нижний конец шеста в выемку.

Ферн пыталась не смотреть на него, но он стоял совсем близко и казался таким высоким. От него приятно пахло землей и потом, что придавало некую таинственность. Если не считать врача матери, Ферн никогда не встречала мужчины, в котором чувствовалась бы такая сила. Зафир был в самом расцвете лет и излучал не только здоровье, но и харизму.

Подсознательно Ферн понимала, что ведет себя как какая-нибудь рок-фанатка, потерявшая дар речи в присутствии своего кумира, не в силах даже пошевелиться... но Зафир был так бесподобен. Она уставилась на него, и, даже зная, что переходит грань, продолжала тонуть в его прозрачных и бездонных сине-зеленых океанах. Он тоже всматривался в ее глаза, ища и требуя что-то, чего она не понимала.

«Скажи уже что-нибудь», – подумала Ферн и легонько облизала высохшие губы.

Взгляд Зафира скользнул к ее рту.

Она словно разучилась дышать, невольно переводя взгляд на его губы и представляя, каково было бы ощутить их нежное прикосновение. Сердце Ферн билось как птица в запертой клетке, а пульс эхом отдавался в ушах.

Он поднес горячую ладонь к ее щеке, и ее словно обдало жаром. Его брови удивленно приподнялись. Неужели он хочет ее поцеловать?

– Мисс Дэвенпорт, вы там? – позвала ее снаружи Аминья.

Сердце Ферн ушло в пятки. Она тут же в испуге отскочила.

– Да, я тут, – ответила она, только сейчас заметив, что Зафир все еще прижимает ее руку к шесту своей ладонью.

Он сильнее сдавил ее, а затем выпустил резким движением пальцев, будто его обожгло. Ферн незаметно потрогала свои губы и, стараясь не смотреть на Зафира, направилась к выходу.

Порыв свежего ветра, пусть даже сухого и горячего, напомнил Ферн, как душно было внутри. Сердце у нее бешено колотилось. Как же трудно было заставить себя улыбнуться, когда подошли дети.

– Мама сказала передать это вам. – Башира на пару с Джуманой тащили по песку большую корзину. Тарик шел следом, спотыкаясь под весом свернутого спального мешка, который нес на плече.

– Ты уже знакома с моим сыном? – спросил Зафир, неожиданно возникнув рядом с Ферн. Он встал на приличном расстоянии, но между ними все равно были искры.

– Нет еще.

Что там только что произошло? В какие игры Зафир с ней играет? Она и раньше не знала, чего можно ждать от брата Аминеи, но уж точно не думала, что он будет жесток. Мысль о том, что он будет вот так с ней забавляться, не только ранила, но и делала Ферн более уязвимой. И здесь ей не удастся от него спрятаться.

Он снял спальник с плеча своего сына, представил его Ферн и тут же исчез в недрах палатки, чтобы разложить постель.

И как ей теперь спать на том, к чему он прикасался?

– Кузины рассказывали о тебе много хорошего, Тарик, – сказала она дрожащим голосом. – Теперь и мне не терпится узнать тебя ближе.

Мальчик внимательно и серьезно на нее посмотрел. «Глаза не отцовские, слава богу», – подумала Ферн. У Тарика они были кофейно-черные, но взгляд такой же умный и уверенный.

– Они о вас тоже хорошо отзываются, но позвольте мне сказать со всем уважением, что я больше не нуждаюсь в няне. У меня есть телохранитель. – Мальчик чуть повернулся и взглядом показал на человека, наблюдавшего за ними оттуда, где находилась палатка детей. – Чтобы защищать меня от внешних угроз. Мне позволено делать собственные ошибки и учиться на них.

Это заявление позабавило Ферн, и она кивнула:

– Вижу, ты уже достаточно взрослый. Но я не няня. Я учу девочек английскому.

– А у меня каникулы, – не растерялся Тарик, – и английский я знаю отлично.

Скромности хоть отбавляй – весь в отца. У Ферн до сих пор жгло и покалывало губы от взгляда Зафира. А теперь они еще и подергивались от едва сдерживаемой улыбки.

– Надеюсь, ты все же составишь нам компанию во время занятий на природе, – сказала Ферн. – Мне так хочется исследовать оазис. Я привезла с собой микроскоп, книги для следопытов и блокноты, чтобы делать зарисовки. Может, ты расскажешь мне о своей стране и ее природе.

– О да, конечно, – великодушно пообещал мальчик. – Мой отец тоже много всего знает.

В этот момент Зафир вышел из палатки и встал рядом с ней, а Тарик добавил:

– Он без труда находит зверя, даже если тот пытается спрятаться.

Ферн упорно отказывалась смотреть на Зафира, пока эти слова висели в воздухе, как воздушный шар, готовый вот-вот лопнуть, – чтобы он не смеялся над ней еще больше.

– Как было бы чудесно, – пробормотала она сквозь нарастающее возмущение. – Но он уже и так мне во многом помог. Не хочу навязываться.

– Ты ведь сделаешь это ради моих кузин, папа? – спросил Тарик, глядя вверх на отца.

– Само собой, – пообещал Зафир, дружески похлопывая Тарика по плечу. – Мы здесь именно для этого – чтобы побыть вместе как одна семья. Покажешь нашей гостье, где что находится? Я должен немедленно сообщить, что все благополучно добрались и все идет по плану.

И, повернувшись к Ферн, пояснил:

– Спасательные операции трудны и требуют немедленного реагирования, поэтому у нас очень низкий порог сигнала тревоги. Малейшее промедление с отчетом – и мы поднимем всех на уши. Прошу меня извинить.

Будто ничего между ними не случилось, он кивнул и зашагал прочь.

«Ну конечно, ничего ведь и не произошло», – напонила себе Ферн. Наверное, ей все это померещилось.

Только вот кожа щеки до сих пор горела, словно от поцелуя.

Ферн заставила себя не смотреть ему вслед, но все равно представила его обнаженную спину, загорелую и крепкую. Хоть раз в жизни она мечтала прикоснуться к мужчине? Или

оказаться под ним обнаженной? Этот оазис какой-то заколдованный, и Ферн поддалась его чарам.

Она в смятении перевела взгляд на детей. Они показали ей, где взять питьевую воду и где находятся «удобства», а потом вручили метелку с коротеньким древком, чтобы выметать скорпионов из палатки.

Ферн зашла в свою палатку и наконец выдохнула. Только здесь она могла побыть одна. Аминья рассказывала ей об оазисе как об острове свободы в пустыне, но Ферн почему-то казалось, будто ее похитили и заперли в клетке – правда, золотой. Ее палатка была больше, чем спальня, в которой она выросла. Простыни и подушки, что принесли дети, были из цветного шелка, а спальный мешок, который расстелил для нее Зафир, вполне вместил бы двоих.

«Прекрати», – одернула себя она.

Как она вообще оказалась здесь, на краю земли? Ей всегда казалось, что, когда она вырастет, станет работать в деревенской школе, а вечерами возвращаться в уютную квартирку, где ее будет ждать кот Фабио. Она мечтала помогать несчастным, замкнутым детям раскрыть свой внутренний потенциал.

Очевидно, что у самой Ферн был потенциал стать учительницей международного класса.

Пока мать была жива, она и не подумала бы принять эту должность, но мамы не стало – и Ферн было необходимо начинать все с чистого листа. Забавы ради она подала резюме на биржу труда, рассчитывая устроиться в миссионерскую школу, а в итоге ей предложили это место.

До сих пор не верилось, что из всех кандидаток выбрали именно ее – наверное, ее кроткий нрав соответствовал культуре, где ценят скромность. Они с Аминеей сразу поладили, что было удивительно для Ферн. Сначала она думала, что Аминья просто рада, что Ферн искренне полюбила девочек и стремится полностью удовлетворить их интересы. Когда она узнала Аминью ближе, то увидела в ней родственную душу: они обе еще со школьных времен не могли найти себе друзей.

Аминья и Зафир появились на свет в результате скандального романа арабского шейха с дочерью британского герцога. Они периодически жили то с матерью в Англии, то здесь, с отцом, но никак не могли приспособиться к жизни ни в той, ни в другой стране. Аминья нашла покой в браке с Раидом, лучшим другом своего брата, и постоянно жила в его стране.

А Зафир по-прежнему боролся за власть на родине своего отца, в К'Амаре. Женившись на дочери одного шейха, он надеялся смягчить недовольство политических противников из-за того, что страной правит человек, тяготеющий к традициям Запада.

Аминья всегда с грустью рассказывала о трудностях, которые они пережили в детстве. Зафира же было трудно представить в печали: он казался слишком гордым, чтобы омрачать свое сердце какими-либо предрассудками. Такого уверенного и активного человека, пожалуй, ничто не могло выбить из равновесия.

Выглянув из палатки, Ферн увидела его в том месте ручья, где, как сказали дети, можно было купаться. Он нагнулся, не обращая внимания на то, что его длинное одеяние насквозь промокло, зачерпнул ладонями воду и плеснул в лицо, а затем приподнял гутру и смочил затылок.

Ферн сглотнула. Она чувствовала, как слабеет, пока наблюдала за ним. Зафир был так естественен, так уверен в себе, так притягателен!

И тут ее осенило: она им увлеклась. Это ведь не что иное, как обыкновенная влюбленность, и она теперь ведет себя как потерявшая голову школьница: подсматривает за мальчиком, неуклюжая и взволнованная, и мечтает о поцелуе. Вот нелепость!

«Отвернись», – приказала она себе и сама себя не послушалась.

Зафир выпрямился, повернулся и уставился прямо на ее палатку. Его плечи были напряжены. Трудно было сказать, видел он ее или нет, но она отступила в глубь своего жилища.

Глава 2

Ужаснее ночи в жизни Ферн еще не было. Она металась во сне, не в силах отключить воображение, рисовавшее сцены секса с Зафиром.

Но ведь она даже толком и не знала, как это бывает! Конечно, принцип был ясен, но ее всю жизнь тщательно ограждали от любых проявлений сексуальности. Мать не разрешала ей ходить в кино на «взрослые» фильмы или смотреть мыльные оперы по телевизору. Любовные романы она всегда читала из-под крышки своего стола в библиотеке.

И все же она дала волю своим гормонам, воображая, будто тонет в поцелуях и ласках. Она не впервые лежала в постели и представляла, что не одна, но ее фантазии никогда не были столь откровенными.

Отбросив легкое одеяло, она тихонько расстегнула вход в палатку и шагнула в прохладу зарождающегося утра. Облаченная в ночную рубашку до колен, она прошла к берегу и вдохнула, когда ее ноги ступили на сырой песок у края воды. Вот что ей нужно: холодный душ.

Может, Зафир за этим же приходил вчера к воде?

Она подалась вперед и набрала воздуха. Глубина резко изменилась, рубашка намочила и потянула вниз. Холодная вода добралась до поясницы, потом до пупка. Она втянула живот, зашла в воду по грудь и задержала дыхание.

Ферн погружалась все ниже, зажав нос, пока вода не сомкнулась над головой, и замерла так на мгновение. Потом она откинула назад голову и вынырнула, словно перерожденная в новое существо, принадлежащее этому чужому, но такому пьянящему миру.

Ферн кружилась в воде, восхищаясь ее чистотой, совершенством: она отчетливо видела свои ноги и как-то по-особому ощущала себя частью животного мира и всей вселенной.

Внезапно на берегу возникли голые загорелые ноги.

У Ферн сердце ушло в пятки, а мокрая ночная рубашка прилипла к телу, словно вторая кожа. Ее взгляд скользнул вверх по накачанным икрам и остановился у колен, где начинались стильные льняные пляжные шорты, сидевшие до неприличия низко на его смуглых бедрах. Зафир был без рубашки и олицетворял собой эталон мужественности. У него был упругий плоский живот, а прямо над ним вертикальная полоска темных волос пересекала грудь посередине, подчеркивая широкие плечи и мускулистые руки.

Восхитительные блестящие глаза строго смотрели из-под густых бровей. Он развернул принесенное с собой полотенце, жестом подозвал Ферн и произнес какое-то слово на арабском, которым Аминья обычно поторапливала дочек.

– Плохо, если стражники заметят тебя в таком виде, – сурово прошептал он.

Ферн опустила взгляд и увидела, что сквозь тонкую шелковую ткань выделялись затвердевшие соски, и даже слепой заметил бы, что на ней совсем нет нижнего белья.

Солнце быстро всходило, неся с собой свет. Она не могла вот так приблизиться к Зафиру!

Как назло, казалось, что до ее палатки километры пути, и... О небеса! Зафир не стал церемониться. Он зашел в воду и быстро накинул полотенце ей на плечи.

– Я не знала, что кто-то еще не спит, – прошептала она.

– Стража бдит круглые сутки.

– Вообще-то я не собиралась купаться, когда сюда пришла.

– Хорошо, что я собирался, – ответил он шепотом.

Ферн посмотрела в сторону палатки и приказала ногам нести ее туда, но все запретные фантазии, которыми она терзалась под ее сводами, теперь разрослись в ее голове до ужасающих масштабов. Еще недавно охлажденная от купания кровь снова разгорелась и скользила по венам, посылая теплые волны в низ живота. Внутри все сжалось от предвкушения.

Внезапно Зафир сделал шаг в ее сторону и обжег поцелуем ее холодные и все еще влажные губы.

Ее глаза закрылись, а чувства проснулись, когда Зафир неожиданно приник к ее рту. Затем он на мгновение отстранился, лизнув кончиком языка ее губы, и она снова ощутила в них прилив нестерпимого жара. Все ее тело будто ожило от возбуждения – столь мощного, что она вздрогнула. Сердце Ферн бешено колотилось от волнения.

Когда Зафир смело проник языком глубже и коснулся ее губ изнутри, раззадоривая ее еще больше, она ответила ему. У него был вкус пряностей и дыма – не от сигарет, а от костра и диковинных кушаний. Чувства, которые он пробудил в ней, были так сладостны, что ей хотелось кричать во весь голос.

Ферн только сейчас вспомнила, что они стоят в ручье, – их может увидеть кто угодно.

Испугавшись, она отшатнулась. Зафир удержал ее и плотно сжал губы, всматриваясь поверх ее головы. В его обжигающем взгляде зеленых глаз читалась досада.

– Продолжим в моей палатке, – предложил он чуть раздраженно.

Сердце Ферн разлетелось в мелкие клочья, словно перекачанный воздушный шарик. Вот, значит, как? Женщины, очевидно, были для него легкой добычей.

– Вот так запросто?

Он вздернул голову, цинично усмехаясь:

– Ты разве не хочешь?

Ферн тяжело дышала, не сводя затуманенного взгляда с его обнаженной груди, к которой ей страшно хотелось прикоснуться.

– Представь, я дорожу своей работой, – сказала она, коря себя за то, что не может сказать, что он ее не привлекает. Еще как привлекает!

– Может быть, никто и не узнает, – без колебаний заявил он.

– Полагаю, это заманчивое предложение, и я должна быть польщена. Но... мы слишком разные.

Зафир усмехнулся:

– Не переживай, в постели мы будем равны.

Ферн вздрогнула, когда он нежно погладил ее руку, и ощутила приятное волнующее покалывание в плечах и в затылке. Зафир и не думал сдерживать свою похоть и действовал в манере, не терпящей возражений. Все в нем заставляло ее сердце выпрыгивать из груди одновременно от страха и возбуждения.

– И я должен поверить, что ты меня не хочешь? – пожурил ее Зафир.

– Конечно хочу, – борясь с собой, признала она. Отрицать бессмысленно. Притворяться она не умела.

– Тогда не противься. – Он продолжал поглаживать ее кожу. – Я не причиню тебе боль, Ферн.

– Сомневаюсь... Говорят, в первый раз всегда испытываешь боль.

Теперь наконец ноги снова обрели способность нести ее с глаз долой. Ферн медленно пошла назад в свою палатку.

Она хотела прикрыться детьми, если Зафир вдруг подойдет. Но он не подошел, и это почему-то сильно ее расстроило.

Теперь Зафир знал, что она девственница. Девственница, которая сохнет по нему.

Выходит, мать была права во всем. Страсть действительно делает женщину несчастной. Хорошо еще, что Ферн не забеременела, родители не выгнали ее из дома, и что ее жизнь не пройдет мимо, пока она будет едва сводить концы с концами и воспитывать нежеланного ребенка.

Внезапно Ферн увидела Зафира, который медленно подошел к ней.

– Я совершил оплошность сегодня утром. – На лице Зафира промелькнуло нечто среднее между раскаянием и разочарованием. – Если я тебя напугал, то прошу меня простить. – Казалось, он говорил искренне, хотя от его пронзительного взгляда было жутко неловко: – Это больше не повторится.

– Страсть может быть разрушительной, – с трудом вымолвила Ферн, пытаясь смягчить боль отвержения.

Уголки его губ изогнулись в улыбке.

– И я это слышу от женщины, которая понятия не имеет, о чем говорит. – Он вдруг посерьезнел. – Но в данном случае да, ты права – игра не стоит свеч. – Улыбнувшись, он предложил: – Я здесь только потому, что Тарик замолвил за тебя словечко за обедом. Раид просил не водить девочек за пределы лагеря без него, но согласился с Тариком, что я подойду в качестве провожатого.

– Я... не хочу навязываться.

– Именно наша компания устроит Тарика и Аминю. У обеих девочек дни рождения примерно через девять месяцев после каникул в оазисе. Последние несколько лет Раид вечно в разъездах, но вчера вечером признался, что в ближайшем году хочет больше времени посвящать семье. – Зафир пожал плечами. – И хоть он и обожает дочек, его преемником станет брат. Раид хочет наследника.

– А что же твой сын – тоже дитя оазиса? – съязвила Ферн.

Веселость Зафира как рукой сняло. Он нахмурился:

– Он дитя брачной ночи.

Разговор окончен – это было ясно. Ферн подумала, что, наверное, перешла границу дозволенного, но ведь он сам начал.

Возвратились дети, и все отправились в путь. Спустя двадцать минут они уже прошли по тропинке сквозь высокую траву, которая потрескивала вокруг них, словно зеленые языки пламени, а затем взобрались к наблюдательному пункту над ручьем. Зафир объяснил, как работает ретрансляционная станция, которая осуществляла связь с внешним миром, и девочки помахали суетившимся внизу слугам.

Раида и Аминей нигде не было. У Ферн не было причин, но она все равно завидовала этим двоим.

«У каждого свой путь, – говорила ей подруга и наставница мисс Айви. – Цвети на собственной клумбе». Подобные высказывания роились в ее голове, как пчелы. Чаще всего Ферн ценила дружескую поддержку, но сейчас почувствовала себя одинокой.

Зафир научил детей пользоваться своей цифровой камерой и отступил, чтобы посмотреть, как они будут выслеживать гекконов среди скал.

Ферн стояла в нескольких метрах от него и с высоты рассматривала лагерь. Ее тонкую талию подчеркивал широкий пояс бежевой юбки, руки закрывала блузка такого же непонятного цвета, Зафир воображал ее такой, какой видел этим утром: водяная нимфа, намеренная обольстить его. Она вынырнула из ручья, на ее маленьких крепких грудях бусинами торчали соски, и ему страшно хотелось прикоснуться к ним, тербить языком.

Ферн манила его и в то же время так робела, что он не мог ее понять. Опытные женщины любят дразнить, но это не ее случай.

Зафир был уверен, что их влечение обоюдно.

Теперь-то, конечно, учитывая ее неопытность, ее поведение было понятно, но пока длилась ночь, он изводил себя мыслями о том, что, может быть, не так уж она его и хочет.

А потом она стояла перед ним в ручье и, демонстрируя свое тело, давала понять, что на все согласна.

Она приникла своими губами к его губам, поддавшись страсти, и земля ушла из-под ног. Зафир не мог припомнить случай, когда обычный поцелуй распалил бы в нем такое пламя желаний. Они бы обязательно поладили, но стражники Раида неусыпно наблюдали за ними, и одно лишь это удержало Зафира от того, чтобы последовать зову дикой крови своих предков.

Теперь непременно нужно было заманить Ферн в свою палатку. Если бы она согласилась, он забрал бы ее невинность.

– Расскажи мне о себе, Ферн, – велел он, все еще не до конца веря ее признанию. – Тебе никогда не было любопытно?

Она сверкнула на него испуганным, несколько беспокойным взглядом, а потом посмотрела на детей, которые пытались разобраться, как работает панорамная съемка. Телохранитель Тарика ушел вперед по тропинке и не слышал их.

– Очень даже любопытно, – возразила она, и на скулах проступил легкий румянец. – Мне, например, любопытно, почему с нами пошел телохранитель Тарика, но никто из охраны девочек. Какой вывод из этого следует?

– Охранник моего сына – наш лучший змеелов, – ответил Зафир, развеселившись. Он понимал, что по европейским меркам в его стране равноправия не существовало, но в данном случае он руководствовался исключительно практическими соображениями. – Я подумал, хорошо, если он осмотрит территорию, прежде чем туда забредут дети. А теперь прекрати увиливать от ответа. Ты же прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю. Сколько тебе лет? Будь ты местная, я бы не удивился, но как англичанке удалось остаться нетронутой до двадцати двух лет?

– Двадцати трех, – поправила его Ферн, с деловитой гримасой скрещивая руки на груди. Она ниже опустила соломенную шляпу, пытаясь спрятаться под ее широкими полями. – У меня были другие приоритеты.

Она говорила чопорно и напряженно – нетипично для западного человека. Большинство людей ее возраста занимаются сексом как минимум от скуки. Он сам в этом возрасте был точно ребенок в конфетной лавке: приобретя к двадцати с лишним годам уже некоторый опыт и находясь на пороге скорой женитьбы, он вволю пользовался свободой, пока она у него была.

Хорошо, хоть так, ибо годы брака были безрадостны.

– Не подумай, что я бросаю тебе вызов, – добавила Ферн, с упреком глянув в его сторону, но он задержал на ней взгляд, и выражение ее лица снова смягчилось.

Ферн не осознавала, что одновременно отталкивая и желая Зафира, она вынуждает его показать ей, что она упускает. Он возбудился от одного лишь касания к ее руке.

– Есть и другие способы испытать удовольствие – не обязательно идти до конца, – заметил он, мысленно уже проделывая с ней всякие штуки. – Мне с трудом верится, что ты даже не целовалась.

– Этого я не говорила, – возразила Ферн. – Просто я... – Ее лицо исказилось болью, и она переключила внимание на детей. – Я не супермодель. Мужчин я не интересую.

Ее уязвленные чувства передалась и Зафиру. Он размяк и ослабел, когда нужны были сила и стойкость, однако он лучше многих понимал, что чувствуешь, когда тебя отвергают.

– Ты себя недооцениваешь. Мужчины ленивы и срывают то яблоко, что ближе висит. Это не потому, что наверху яблоки невкусные.

– И это говорит мужчина, который утром был согласен взять единственный фрукт в корзине, – парировала Ферн и покраснела. – Не слушай меня. Ты прав, и давай забудем обо всем этом. Мне как-то не по себе.

Он явно ее задел, раз она стала защищаться. Она была гораздо неувереннее в себе, чем он предполагал, и ему стало от этого неуютно.

– Я прикрыл тебя полотенцем, чтобы другие не видели то, чем я хотел бы насладиться сам. Ты интересуешь меня, Ферн, – признался Зафир.

Его слова вскружили ей голову, и на лице, обрамленном полями дурацкой шляпы, изобразилось удивление, а глаза наполнились нежностью.

Он попытался собрать в кулак остатки самообладания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.